

УДК 94(73)



О.А. Киселева

Вологодский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются методологические модели, используемые российскими учеными для исследования истории социальных революций Нового времени. Автор показывает содержание трех основных подходов к их изучению – конкретно-исторического, сравнительного (компаративного) и теоретического. Акцент сделан на анализе предложенного М.А. Баргом и Е.Б. Черняком теоретического подхода, вызывающего несомненный интерес, но требующего дальнейшего осмысления и углубленной разработки.

М.А. Барг, капитализм, внутриформационные революции, межформационные революции, переходная эпоха, реформа, социальные революции, циклы революций, феодализм, Е.Б. Черняк.

В современных условиях развития гуманитарного знания и продолжающегося процесса модернизации высшего образования в России резко возрастает значение теоретических проблем, связанных с ходом исторического процесса, его движущими силами и моделями. Осознание и разрешение их тем более актуально, что сегодня назрела потребность более тесной интеграции научного поиска и образовательного пространства. Эта интеграция осуществляется в высшей школе самыми различными способами – при помощи углубленного изучения дисциплин методологического и теоретического характера в магистратуре, путем практической реализации различных подходов к интерпретации исторического процесса в магистерских и иных диссертационных исследованиях. Это серьезно актуализирует вопрос о необходимости нового научного осмысления переходных эпох в истории общества вообще и западно-европейского социума в частности. Важнейшей составной частью переходной эпохи от «Старого порядка» к Новому времени стали социальные революции XVII–XVIII веков, а проблема их роли и места в генезисе индустриальной (новой) цивилизации крайне важна и в зарубежной науке вызвала острейшие дискуссии долгое время [15].

История социальных революций вообще и буржуазных революций XVII–XVIII в. в частности принадлежит к научным проблемам непреходящего исторического и социологического интереса. Их изучение в России имеет глубокие традиции. В конце XIX – начале XX в. труды Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, П.А. Кропоткина, И.В. Луцицкого, П.Г. Мижуева, А.Н. Савина стали важным вкладом в мировую историографию. Позднее работы видных советских ученых А.В. Адо, С.И. Архангельского, М.А. Барга, Е.А. Косминского, В.М. Лавровского, Я.А. Левицкого, Г.Р. Левина, Н.М. Лукина, А.З. Манфреда, В.Г. Ревуненкова, Г.Н. Севостьянова, Е.В. Тарле,

А.А. Фурсенко и многих других также получили широкое признание. При этом все они были выполнены на основе марксистского формационного подхода. Среди российских исследователей социальных революций Нового времени, как правило, не возникало принципиальных разногласий относительно объекта изучения и его оценки. Исключение составила острейшая дискуссия по вопросу о социальной природе и характере якобинской диктатуры в эпоху французской революции XVIII в.

Для советской историографии французская революция была одной из важных тем. Историки советской эпохи восприняли и активно развивали выдвинутую еще исторической мыслью эпохи Реставрации (1814–1830) так называемую «классическую» интерпретацию французской революции. Разделявшие ее ученые, исходя из классового подхода к анализу событий XVIII века, оценивали французскую революцию как буржуазную, обусловленную изменениями в социальной структуре общества и стремлением разбогатевшей буржуазии к закреплению нового – буржуазного – вида собственности и к овладению политической властью.

В марксистской историографии вообще и в советской в частности французская революция рассматривалась как сложный, многокомпонентный, но внутренне единый процесс, прошедший в своем развитии две фазы: «восходящую», вершиной которой признавалась якобинская диктатура, и «нисходящую», начавшуюся после переворота 9 термидора 1794 года. Главной особенностью «восходящей» линии революции, согласно этой интерпретации, было то, что на каждом из последующих этапов к власти приходили все более радикальные группировки буржуазии, возрастало влияние широких слоев населения на ход событий, все более последовательными становились буржуазные преобразования. Напротив, смысл переворота 9 термидора 1794 года заключался, по мнению

сторонников этой концепции, в том, что демократические элементы буржуазии были отстранены от власти, с влиянием народных масс на законодательство и управление было покончено, а развитие революции направлено по пути, выгодному исключительно буржуазной элите общества. Хронологические границы «нисходящей фазы» и революции в целом – вопрос, дискуссионный до сих пор. Французские историки периода Реставрации Ф. Минье и А. Тьер, первыми оценившие эту революцию как акт классовый борьбы между буржуазией и дворянством, относили ее к периоду 1789–1814 годов, считая Консульство (1799–1804) и Первую империю (1804–1814) закономерными этапами революции. А. Олар, глава буржуазно-республиканской школы во французской историографии, сложившейся на рубеже XIX–XX веков, ограничивал ее 1789–1804 годами, исключая наполеоновскую империю из революционного цикла [10]. Отечественные историки Н.И. Кареев и Е.В. Тарле определяли ее временные рамки 1789–1799 годами, считая государственный переворот 18 брюмера 1799 года «завершением революции» [7]. Именно этой точки зрения придерживалась часть советских и большинство современных отечественных ученых. В то же время А.З. Манфред, один из крупных советских специалистов по истории Франции, опубликовавший в 1970-х годов ряд работ, посвященных истории революции, признавал революционным лишь пятилетие 1789–1794 годов, квалифицируя переворот 9 термидора 1794 года как «конец революции» [9].

Возникает вопрос, какая из предложенных периодизаций является наиболее корректной? Ответ на него дал видный французский историк второй половины XX века Ф. Фюре в работе «Постижение французской революции»: «Даже на коротком промежутке ее очень трудно “датировать”: в зависимости от тех идей, которыми историк определяет важность событий. Он может ограничить ее одним 1789 годом, когда была достигнута конечная цель – ушел в небытие Старый порядок, или же продлить до 1794 года, до казни Робеспьера, подчеркивая этим значение диктатуры и секций, якобинской эпопеи, крестового похода за независимость. Можно идти и далее, вплоть до 18 брюмера... Или даже зачислить в революцию наполеоновскую эпоху... У всех подобных периодизаций есть, конечно, своя логика» [17, с. 112]. Таким образом, очевиден условный характер периодизации Великой французской революции, как и любой периодизации вообще, так как ее характер всецело зависит от критериев, взятых тем или иным ученым за основу разделения непрерывного исторического процесса на отдельные фазы и этапы.

В работах Ф. Фюре и Д. Рише в середине 1960-х годов окончательно оформилась «ревизионистская» концепция революции, отвергавшая «классическое» представление о революции XVIII века как о едином антифеодальном, буржуазном движении и трактовавшая события во Франции конца XVIII века как переплетение трех совпавших по времени, но различных революций: революции либерального дворянства и буржуазии, отвечавшей как духу философии XVIII века, так и интересам капиталистического развития страны; архаичной по своим целям и результатам кре-

стьянской революции, не столько антифеодальной, сколько антибуржуазной и антикапиталистической; плебейской революции, враждебной буржуазии, и потому – реакционной [17].

Таким образом, с точки зрения авторов данной концепции, прогрессивный характер имела лишь так называемая революция «элит», то есть период господства буржуазно-дворянского блока в 1789–1792 годах. Напротив, народные движения, якобинская диктатура и ее социально-экономическая политика оценивались как консервативные, задержавшие поступательное развитие страны по капиталистическому пути.

Своеобразным «откликом» на дискуссию в зарубежной историографии между сторонниками «классической» интерпретации революции (убедленным приверженцем ее был А. Собуль, директор Института истории французской революции в Сорбонне) и авторами «ревизионистской» концепции стал симпозиум «Проблемы якобинской диктатуры», состоявшийся в 1970 году в Институте Всеобщей Истории АН СССР (далее – ИВИ АН). В нем приняли участие известные советские ученые – А.В. Адо, Л.С. Гордон, В.М. Далин, А.В. Ефимов, А.З. Манфред и др. В центре полемики оказались вопросы о социальной природе якобинства¹, характере диктатуры, отношениях между народным движением и якобинской властью. Непосредственным поводом к созыву симпозиума стал выход в свет исследований ленинградского историка В.Г. Ревуненкова, в которых автор сформулировал свою оценку якобинского этапа революции. В.Г. Ревуненков, опираясь на накопленные в отечественной и зарубежной историографии новые материалы и глубоко изучив, в первую очередь, взаимоотношения революционного правительства и плебейства, выдвинул в значительной степени альтернативную концепцию, суть которой можно свести к ряду основных положений. Якобинская диктатура явилась высшей ступенью в развитии французской революции, так как, во-первых, завершила реализацию стоявших перед ней задач буржуазного характера, ликвидировав декретом 17 июля 1793 года феодальные отношения в деревне и разрешив тем самым главный – аграрный – вопрос. Во-вторых, она добилась победы над коалицией европейских держав в битве при Флерюс в июне 1794 года, после которой военные действия были перенесены за пределы территории Франции, и тем самым была «снята» угроза утраты страной национального суверенитета. В-третьих, якобинцы эффективно боролись против внутренней контрреволюции. По своей социальной природе якобинская власть была диктатурой буржуазного типа и опиралась на новых, обогатившихся во время революции крупных собственников и массу средней буржуазии. Именно поэтому ее политика имела «двойную заостренность»: против роялистско-жирондистской контрреволюции, с одной стороны, и против трудящихся масс – с другой. Все возраставший отрыв якобинской диктатуры от трудящихся слоев населения, от санкюлотов создал предпосылки для государственного переворота 9 термидора 1794 года. Якобинской диктатуре противо-

¹ Иначе – якобинизма. В литературе до сих пор используются обе транскрипции.

стояла Коммуна Парижа 1793–1794 годов. Ее секции, как зачаточные органы подлинно народной власти, оказывали влияние на Конвент и приобрели значение «второй власти» в государстве. Именно они, а не якобинская диктатура, обладали революционно-демократическим характером [13].

В результате бурных дискуссий подход В.Г. Ревуенкова был признан «внутренне цельным», но «недостаточно убедительным». Большинство участников поддержало позицию А.З. Манфреда и других ученых «московской школы», мнение которых заключалось в следующем. Являясь буржуазной по задачам, французская революция была по своим движущим силам народной, буржуазно-демократической революцией. Именно решающая роль широких слоев населения в этой революции придала ей силу и размах, подняла над другими буржуазными революциями, сообщила ей те классические черты, которые дают основание называть ее «Великой». Якобинский период (июнь 1793 года – июль 1794 года) был ее высшим кульминационным этапом. Якобинская партия по своей социальной природе являлась блоком демократической (средней и мелкой) буржуазии, крестьянства и плебейства, сложившимся исторически в борьбе против контрреволюции и заинтересованном в разрешении главных задач революции. По словам А.В. Адо, «...говоря предельно обобщенно, якобинская диктатура представляла и защищала интересы французского народа». Якобинцы были партией революционного блока, со всеми его сильными сторонами и со всеми присущими ему внутренними противоречиями. Классовая неоднородность этого блока предопределяла противоречивость политики якобинцев. Якобинцы развивали инициативу народа, поддерживали народные общества и революционные комитеты в департаментах и коммунах, через которые осуществлялись революционные мероприятия. Эта широкая демократия «снизу» сочеталась со строго централизованной (абсолютно необходимой и неизбежной в условиях ожесточенной войны) властью «сверху» в лице Конвента и Комитета общественного спасения. Это сочетание широчайшей демократии и централизации придало якобинской диктатуре революционно-демократический характер. Санкционированный государством на основе Закона о подозрительных (17 сентября 1793 года) террор эпохи якобинской диктатуры был ответом на контрреволюционный террор. Инициатива его исходила от плебейства, требовавшего от правительства «обрушиться на аристократию богатства» и ввести смертную казнь за спекуляцию и сокрытие продовольствия. По своей сущности террор являлся плебейским средством борьбы за углубление революции [9].

Своеобразным рубежом в изучении Великой французской революции стал ее двухсотлетний юбилей, положивший начало новому этапу исследований, отличающемуся многообразием подходов, методик и тем. В зарубежной историографии исчезло абсолютное преобладание «классической» концепции революции. Лежащий в ее основе классовый и экономически-детерминированный подход стал использоваться более корректно. Большинство ученых пришло к мнению, что экономические интересы проявляют себя в

политике лишь опосредованно, через перемены в массовом сознании и духовной культуре. Соответственно, важнейшее место в исследованиях заняло изучение представлений участников революции, характер их самоидентификации с той или иной стороной социально-политического конфликта. На первый план выдвинулись источники и методы, позволяющие обнаружить смысл революционных событий для самих участников и воспринять значение происшедшего через их самосознание. Предпринимаются попытки таким путем определить «мнение революции о самой себе». Революционная проблематика стала дополняться исследованием растянутых во времени процессов, начавшихся задолго до революции и продолжавшихся после нее. Изучение технико-экономического прогресса и демографических циклов, распространения гуманистических ценностей и утверждения демократических институтов, секуляризации массового сознания позволяет по-новому оценить соотношение преемственности и разрыва в ходе революции. Таким образом, научная схема «революции как рубежа между эпохами» уступает место идее исследования длительного, непрерывного эволюционного процесса.

Эти новации нашли отражение в российской историографии. На рубеже XX–XXI вв. в ИВИ РАН был проведен ряд научных конференций в форме «круглых столов», посвященных назревшим проблемам изучения французской революции. В них приняли участие ведущие специалисты: А.В. Адо, С.Ф. Блуменау, Д.Ю. Бовыкин, А.В. Гордон, Е.О. Обичкина, А.В. Тырсенко, З.А. Чеканцева, А.В. Чудинов и др. Вышли в свет солидные документальные публикации, избранные сочинения Л.-А. Сен-Жюста, М.-Ж. Шенье, Ж. Кутона и т.д. В ходе развернувшегося в отечественной исторической науке пересмотра многих аксиом и постулатов касательно истории французской революции XVIII в. были высказаны достаточно резкие критические замечания в адрес марксистской методологии изучения социальных революций Нового времени в целом. По мнению ряда авторов, на нее «наложили отпечаток три тенденции, нередко ведущие к ошибочным выводам: стремление мерить буржуазные революции мерками пролетарских переворотов и считать в них безусловно прогрессивным то, что их хотя бы внешне сближало с пролетарскими революциями; абсолютизация самого состояния революций как высшей ценности, даже после решения ими исторически возможных задач; преувеличение прогрессивного значения плебейских методов борьбы (например, террора. – О. К.)» [18, с. 78–79].

Сегодня различные аспекты революций Нового времени в целом и социальных потрясений мануфактурной эпохи в частности по-прежнему привлекают внимание исследователей [4; 5; 14; 15; 16]. В результате в отечественной науке сформировались три основных подхода к интерпретации истории революций XVII–XIX в. Во-первых, конкретно-исторический, преследующий цель максимально подробно изучить, описать и проанализировать ход каждой из революций. Во-вторых, компаративный, или сравнительно-исторический, направленный на типологизацию революций, выявление в них общих закономерностей развития и особенностей, а также уточнение их места в

становлении индустриальной цивилизации [12]. Наконец, теоретический, связанный со стремлением осмыслить глубинные причины и последствия социальных потрясений Нового времени, квалифицировать в исторических и социолого-политологических категориях типы и роль обусловленных ими изменений. При этом грань, разделяющая исследования, выполненные на основе сравнительно-исторического и теоретического подходов, часто достаточно условна.

В наибольшей степени теоретический подход реализован в работах М.А. Барга и Е.Б. Черняка, строго следовавших формационной теории истории [2; 3]. В соответствии с выводами этих ученых, все революции Нового времени являлись неотъемлемыми компонентами единой эпохи – переходной от феодализма к капитализму. Но при этом они происходили на качественно различных этапах, при менявшемся соотношении традиционного и капиталистического укладов хозяйства. В совокупности они составили так называемые циклы революций. Первым в хронологическом ряду стал английский цикл, включавший в себя революцию середины XVII в., «Славную» революцию 1688–1689 г. и «Великую» избирательную реформу 1832 г. Французский революционный цикл переходной эпохи составили революции конца XVIII в., 1830, 1848–1849 и 1870 г. При этом авторы оценивали революции, «открывавшие» цикл, в качестве «базисных», а революции, следовавшие за ними, – в качестве «надстроечных» [3, с. 39]. Более того, М.А. Барг и Е.Б. Черняк настаивали на том, что в определенном смысле революционные «волны», следовавшие за первой, следует рассматривать как этапы единой революции, без которых она не могла бы заполнить стоявших перед ней задач [3, с. 42].

Возможно, данная и подобные ей схемы несколько упрощенно толкуют реальный исторический процесс и поэтому отчасти носят условный характер. Также относительно условным (это признавали и сами авторы – М.А. Барг и Е.Б. Черняк) выглядит деление революций на «базисные» и «надстроечные». Применение этих дефиниций требует серьезного обоснования, толкования и уточнения. Тем не менее, предложенная модель не лишена познавательного, эвристического интереса, так как представляет собой оригинальную попытку осмысления хода исторического процесса и отражает характер дискуссии о переходной от феодализма к капитализму эпохе.

Участники дискуссии, среди которых были и зарубежные исследователи, сошлись во мнении, что процесс перехода от феодального к капиталистическому способу производства растянулся более чем на три столетия – с XVI – до конца XIX в. При этом они пришли к выводу, что после французской революции XVIII в. прямой связи между трансформацией общества и социальными революциями уже не существовало. В результате событий 1789–1814 г., хронологически совпавших с разветвлением промышленного переворота (вследствие чего иногда применительно к периоду 1760–1830 г. используется термин «двойная революция»), в западноевропейском регионе были созданы условия для завершения капиталистической индустриализации. Это, в свою очередь, повлияло на исторический выбор моделей и путей завершения мо-

дернизационных процессов в XIX веке. Реформистский путь (наряду с революционным) стал вторым главным вариантом развития, явившись органической составной частью становления индустриального общества, а сами реформы приобрели объективно революционное содержание (например, избирательные реформы 1832, 1867, 1884–1885 г. в Англии).

Таким образом, с точки зрения ряда ученых – участников дискуссии, вопрос не должен ставиться так: революция или реформа? Речь должна вестись о диалектическом переплетении революционных и реформистских трансформационных процессов и сдвигов, составивших содержание социально-политической истории XVI–XIX веков [8; 12].

В итоге переходная от феодализма к капитализму эпоха предстала как более сложная, многокомпонентная, нежели просто «эпоха социальных революций» [6]. Условно утверждение капиталистического общества в странах Западной Европы и Северной Америки, сопровождавшееся перенесением присущих ему ценностей в другие регионы земного шара, можно рассматривать как результат трех «революций», итог своеобразной революционной триады. Во-первых, экономического и структурного переворота, связанного с поэтапным становлением капиталистического способа производства – от раннего мануфактурного капитализма к промышленной революции и фабрично-заводскому производству. Во-вторых, социальной и политической трансформации, главным, но не единственным результатом которой было конституирование буржуазии в правящий класс. Наконец, духовной и культурной эмансипации, развивавшейся на основе идей Просвещения о естественном равенстве людей и присущих им неотчуждаемых правах на жизнь, свободу и собственность, о государстве как гаранте этих прав и народе как источнике любой власти.

Одним из узловых моментов дискуссии о переходной от феодализма к капитализму эпохе стал вопрос о типологизации социальных революций Нового времени. Традиционно в отечественной историографии критериями такой типологизации были характер революции и форма, в которой она протекала. Характер социально-политической революции, в свою очередь, определялся стоявшими перед ней задачами, расстановкой социальных сил и степенью влияния на ее результаты демократических элементов. Исходя из этого подхода, советские историки квалифицировали английскую революцию середины XVII в. как классическую буржуазную; североамериканскую революцию XVIII века как буржуазную, в которой был «силен демократический элемент»; а французскую революцию конца XVIII в. как классическую буржуазно-демократическую.

Историки были единодушны во мнении, что по форме, в которой протекали события, английскую революцию следует признать последней религиозной войной: король и его сторонники опирались на поддержку государственной англиканской епископальной церкви, парламентская оппозиция и армия исповедовали пуританизм в виде пресвитерианства и независимости. Американская революция приобрела форму антиколониальной войны тринадцати объединившихся провинций против метрополии – Велико-

британии. Французская же отличалась особо напряженной социальной и политической борьбой, которая велась открыто, без использования церковной или антиколониальной риторики. Она была насыщена восстаниями, государственными переворотами; в ходе ее применялся террор, санкционированный государством.

В результате обсуждения большинство ученых поддержали в качестве главного критерия типологии революции Нового времени их место в процессе перехода от феодализма к капитализму и в ходе модернизации общества. На этой основе революции Нового времени были подразделены на межформационные (или, по терминологии немецких ученых Г. Блайбера и В. Шмидта, «революции при феодализме за капитализм») и внутрiformационные («революции при капитализме за капитализм») [1].

Главной задачей межформационных революций была ликвидация феодальных/добуржуазных институтов и создание условий для интенсивного, беспрепятственного развития капиталистического уклада, превращения его в доминирующий способ производства. Таковыми являлись английская революция XVII в. и французская революция XVIII в. Война североамериканских колоний за независимость имела много общего с ними черт, так как ее объединяла с двумя первыми принадлежность единой – мануфактурной – стадии развития общества.

Стадиальное единство трех революций выражалось в идентичных задачах, которые они были призваны разрешить; в общих закономерностях социальной борьбы; в распространении аналогичных представлений о моделях реорганизации общественной и политической жизни; в главных результатах и последствиях. Вместе с тем, проявление общих закономерностей в каждой революции имело свою конкретно-историческую специфику и окраску. Она была обусловлена тем, что английское и французское предреволюционное общество, с одной стороны, и американское – с другой, существенно различались по своей социально-экономической и политической структуре.

В отличие от мануфактурной эпохи, предпосылки внутрiformационных революций XIX века складывались в условиях уже институционализированного в основных чертах капиталистического социума, но с сохранявшимися в нем отдельными феодальными/добуржуазными элементами/институтами. Такие революции, наряду с задачей уничтожения сохранявшихся добуржуазных институтов (например, рабства, как это было в Гражданской войне 1861–1865 г. в США), преследовали в качестве своей цели создание политической организации, адекватной классическому буржуазному обществу, формировавшемуся в ходе промышленного переворота. Кроме того, в ходе некоторых из них (например, во французской революции 1848–1849 г.) со своими требованиями впервые выступил пролетариат. Все это принципиально отличало внутрiformационные революции XIX века от революций XVII–XVIII веков.

Таким образом, за последние десятилетия расширилась тематика исследований по истории социальных революций Нового времени, накоплен и введен в научный оборот новый материал, развивается процесс их концептуального переосмысления. Следует при-

знать, что многие из предлагаемых идей и тезисов имеют характер гипотез и требуют глубокой разработки на основе репрезентативного массива источников. С методологической точки зрения сочетание конкретно-исторического подхода и компаративного анализа революций создает, на наш взгляд, оптимальную модель как их исследования, так и изучения в высшей школе в условиях тесного взаимодействия научного и образовательного процессов.

Литература

1. Блайбер, Г. Европейские революции 1848–1849 гг. в историческом сравнении (К вопросу о типологии и сравнении) / Г. Блайбер, В. Шмидт // Новая и новейшая история. – 1988. – № 3. – С. 45–63.
2. Барг, М. А. Революции европейского масштаба в процессе перехода от феодализма к капитализму (XVI–XIX вв.) / М. А. Барг, Е. Б. Черняк // Новая и новейшая история. – 1988. – № 3. – С. 56–67.
3. Барг, М. А. Великие социальные революции XVII–XVIII вв. в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму / М. А. Барг, Е. Б. Черняк. – Москва : Наука, 1990. – 258 с.
4. Бовыкин, Д. Ю. О современной российской историографии Французской революции ХУ111 в. / Д. Ю. Бовыкин // Новая и новейшая история. – 2007. – № 1. – С. 48–73.
5. Гладышев, А. В. Французская революция : взгляд из XXI века / А. В. Гладышев // Вопросы истории. – 2007. – № 10. – С. 18–29.
6. Грох, М. От кризиса феодального общества к буржуазной революции / М. Грох // Новая и новейшая история. – 1987. – № 6. – С. 104–116.
7. Кареев, Н. И. Великая французская революция / Н. И. Кареев. – Петроград : Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1918. – 418 с.
8. Коссок, М. 1789 год и новые альтернативы социальной трансформации / М. Коссок // Новая и новейшая история. – 1989. – № 4. – С. 52–68.
9. Манфред, А.З. Великая Французская революция / А. З. Манфред. – Москва : Наука, 1983. – 432 с.
10. Олар А. Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804 : перевод с французского / А. Олар. – Москва : Соцэкгиз, 1938. – 979 с.
11. Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20–21 мая 1970 г. // Французский ежегодник, 1970. – Москва : Наука, 1972. – С. 278–313.
12. Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. – С. 74–103.
13. Ревуненков, В. Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры / В. Г. Ревуненков. – Москва : Наука, 1966. – 176 с.
14. Репина, Л. П. Социальные движения и революции XVI–XVII вв. в современной компаративной историографии / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3. – С. 63–74.
15. Согрин, В. В. Война США за независимость как социально-политическая революция / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2005. – № 3. – С. 84–98.
16. Таньшина, Н. П. Юбилей Юбилей: итоги 200-летия французской революции для российской и французской историографии / Н. П. Таньшина // Новая и новейшая история. – 2019. – № 2. – С. 100–119.
17. Фюре, Ф. Постижение французской революции : перевод с французского / Ф. Фюре. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – 224 с.
18. Черняк, Е. Б. 1794 год. Некоторые актуальные проблемы исследования Великой французской революции // Е. Б. Черняк // Новая и новейшая история. – 1989. – № 1. – С. 77–95.

O.A. Kiseleva

ON THE PROBLEM OF STUDYING SOCIAL REVOLUTIONS IN MODERN HISTORY

The article deals with the methodological models, which are used to study the social revolutions of the 17th-19th centuries. The author characterizes narrative, comparative and theoretical approaches to interpretation of these historical events. The article gives special attention to the theoretical approach, which is rather advanced but needs serious considering.

M.A. Barg, capitalism, intra- and inter- formation revolutions, transitional period, reforms, social revolution cycles, feudalism, E.B. Chernyack.